

— Можете подходить прощаться с покойным, — хорошо поставленным голосом произнесла распорядительница, женщина лет сорока, безрезультатно пытающаяся обилием косметики повернуть ход времени вспять, но в результате добившаяся аляповато-вульгарного вида, никак не вяжущегося с обстановкой траурного зала. У гроба выстроились родители, дядитети и дальше по степени убывания родства, затем друзья, знакомые и просто любопытные, убивающие время до следующих похорон. Зоряна, студентка последнего курса филфака университета, двигалась в толпе студентов, входящих в категорию друзей, и размышляла:

«Истинное горе рвется из души наружу, словно вулкан... А большинство, судя по всему, пришли лишь для того, чтобы соблюсти приличие».

— Ты чего? — спросил грустный Мирчик, который и привел Зоряну на похороны, так как покойный был его однокурсником. Полное имя Мирчика — Мирослав — было слишком длинным и солидным для этого худого долговязого шатена с буйной непослушной шевелюрой и глубокомысленным выражением лица. Зоряна вопросительно на него посмотрела, и он тихонько добавил: — Улыбаешься...

— Поняла, — так же тихо произнесла Зоряна. Они приблизились к гробу с покойным. Грим сделал свое несправедливое дело, и тот лежал как живой в строгом сером костюме, веселой желтой рубашке, воротник которой был выпущен поверх пиджака. Словно разбитной парень, погуляв ночку, решил отдохнуть

и не нашел лучшего места, как устроиться в красном гробу с белыми оборочками. Зоряне стало невыносимо жаль его, незнакомого и постороннего, случайно зацепившего своей смертью ее жизнь, и глаза невольно наполнились слезами. Она поспешила пройти дальше, раствориться в толпе. Когда прощание закончилось, двое мужчин из присутствующих прикрыли гроб крышкой. Заиграла печальная музыка. Гроб стал медленно опускаться вниз, и покойник отправился в свое последнее, огненное путешествие.

— Все же это ужасно... — произнесла Зоряна, выходя из траурного зала крематория. — Как представлю, что он сейчас направляется прямо в печь, мурашки по коже бегут. Бр-рр! И скоро от него останется кучка золы, которую сгребут, особенно не разбирая, вместе с золой сожженных раньше, поместят в горшок с крышкой... И все...

— Кто его знает, что лучше: могильные черви или огонь? Второе, по-моему, благороднее, — возразил Мирослав.

— Нашли мы тему для разговора... — заметила Зоряна и попросила: — Давай на поминальный обед не поедем, а прогуляемся пешочком вниз.

— Принимается. Думаю, Миша не обидится, — согласился Мирослав.

— Миша? — переспросила Зоряна.

— Покойного звали Мишей.

— Ах да. Помню, ты говорил. Миша... И у него была передозировка наркотиков...

— Он рассказывал, что был на игле уже пять лет, в системе.

— Это рано или поздно заканчивается печально. Давай больше не будем об этом. Земля ему пухом!

Они шли по асфальтовой дороге вниз, мимо кладбища, притаившегося за красной кирпичной стеной.

— Байковое кладбище, — протяжно произнесла Зоряна. — Ты здесь бывал?

— Нет. Оно очень старое и было закрыто еще при царе Горохе. Разве что иногда хоронят кого-нибудь из знаменитостей или из тех, у кого толстый кошелек.

— Любопытно взглянуть. Говорят, здесь такие же монументальные склепы, как на Лычаковском кладбище во Львове. И похоронено много известных людей. Леонид Быков, например...

— О'кей. Пойдем посмотрим. — И Мирослав произнес дрожащим голосом, который должен был изображать испуг: — Если не боишься кровожадных вампиров и упырей!

— Да ну тебя... Вампиры и упыри днем отдыхают, а вот ночью... — Зоряна закатила глаза и протянула скрюченные пальцы к Мирчику. Тот, словно в испуге, проскочил через железную калитку на кладбище и спрятался за черной гранитной стелой.

На дорожке показались две похожие друг на друга седенькие старушки, одинаково чистенько одетые. У одной в руке были детские грабельки, у другой — капроновое ведро. Зоряна, остановившись у стелы, за которой прятался Мирчик, притворилась, что изучает надпись. Старушки, проходя мимо, одновременно молча укоризненно покачали головами, словно фарфоровые фигурки китайских мандаринов.

— Леопольд, подлый трус, выходи! — потребовала Зоряна, когда старушки вышли через калитку.

— Не выйду. Боюсь!

— Как хочешь, Мирчик. Я пошла! — И Зоряна зашагала по дорожке в ту сторону, откуда пришли старушки. Мирослав догнал ее, обнял за плечи.

Вокруг них в зеленом убранстве лета, погруженное в тишину, простиралось кладбище. Раскидистые деревья тенистых аллей дарили прохладу и покой. Это было царство безмолвия, в котором время невластно... Кладбище напоминало старый заброшенный парк, если бы не могилы. Облупленные, со сле-

дами ржавчины кресты соседствовали с памятниками, обелисками, стелами из гранита, мрамора, камня. Одни могилы были ухожены, другие — в крайне запущенном состоянии. За некоторыми оградками лежали целые семьи — словно, при жизни привыкнув к неудобствам малогабаритных квартир, не желали расставаться и после смерти.

Лица с фотографий, портретов на керамике, на камне пристороженно наблюдали за непрошеными гостями. Зоряне стало не по себе, когда она подумала, что здесь лежат люди со своими удавшимися и не очень судьбами, по-разному умершие: одни на подъеме, полные сил и энергии, другие — от старости-дряхлости. Особенно угнетала мысль, что места упокоения никто не избежит — от него не спрячешься, будь ты хоть властелин мира. Неподкупные, неумолимые Время и Рок разыщут в назначенный час... Имена, даты рождения и смерти, застывшие лица заставляли ценить жизнь — даже в двадцать лет, как было этим молодым людям, случайно забредшим на кладбище.

Они оказались на очень старом участке. Начали попадаться вырезанные на потемневшем сером граните надписи на латыни и немецком языке. Зоряна с Мирчиком прошли мимо полуразрушенной кирпичи в поржавевших лесах, которые установили многие десятилетия назад, но так ничего и не сделали. С немецкой части кладбища перешли на польскую, католическую, и обнаружили старинный серый склеп прямоугольной формы. По размерам он значительно превосходил размеры дачи, разрешенной в советские времена. По фронтоу теснились бетонные фигурки, местами неплохо сохранившиеся, которые изображали существ явно не миролюбивых, — видно, хозяин рассчитывал, что после смерти они будут его верно охранять. Вошли в склеп. Здесь было пусто, через отверстие в полу виднелась каменная лестница, круто уходящая вниз.

— Отпевание происходило наверху, а захоронение проводили внизу, — пояснил Мирослав. — Там должны быть ниши с гробами. Спускаемся?

— Хватит на сегодня. Уходим! Особенно смотреть здесь нечего. Снаружи он впечатляет больше.

Рядом со склепом они обнаружили установленную на черном пьедестале изящную мраморную статую полуобнаженной женщины.

— Интересная дамочка, — сказала Зоряна, любуясь статуей, и не поленилась, раздвинула кустарник, чтобы прочитать надпись на мраморе, когда-то покрытую золотом, а сейчас наполовину стертую. Ее ожидало разочарование — надпись была на латыни.

— Ты с латынью знаком? — поинтересовалась Зоряна.

— Гомо гомини люпус эст, — с готовностью ответил Мирослав.

— Поняла. Кто-то кого-то ест.

— Почти угадала. Человек человеку — волк. Но это все, что я знаю по-латыни.

— Плохо. Теперь будет чем занять свободные вечера.

— Посмотри, по памятнику стреляли!

— Может, это просто след времени?

— Нет. Думаю, это отметина от пули. Похоже, в прошлом здесь разыгралась какая-то драма.

— Пойдем дальше. Мне не нравятся места, где, возможно, пролилась кровь, — сказала Зоряна. — А памятник очень интересный, в нем чувствуется...

— Любовь, разочарование, смерть, — добавил Мирослав.

— История, которую мы, к сожалению, никогда не узнаем.

Они вышли на аллею и начали спускаться. Года на памятниках менялись: пятидесятые, шестидесятые, семидесятые...

Справа и слева оградки могил настолько прижимались друг к другу, что практически уничтожили проходы. Лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить кое-где узкие тропинки.

— Неужели по ним можно добраться до могил, которые находятся у стены? — недоуменно спросил Мирослав. — Как же за ними ухаживают?

— А мы сейчас сыграем в игру «Лабиринт Минотавра»! — загорелась Зоряна. — По моей команде отправляемся в путь и встречаемся у последнего ряда могил. Только, чур, через оградки не перелазить, идти только обходными путями. Победитель заказывает выполнение желания!

Пробираться по узким проходам между могилами было делом непростым — они образовывали настоящий лабиринт с тупиками, обходами, движением по кругу. Но это была игра, азарт, и молодые люди, забыв, что находятся на кладбище, подбадривали друг друга радостными криками, нарушавшими тишину и спокойствие здешних мест. Мирослав первым достиг последнего ряда и торжествующе поднял руки. Зоряна теперь уже не спеша добралась до юноши, который от нетерпения чуть не подпрыгивал на месте.

— Я выиграл! — гордо заявил он. — Загадываю желание, и только попробуй его не выполнить!

— Выиграл? Что именно? — притворно удивилась Зоряна.

У последнего ряда могил места оказалось больше. Здесь даже росли развесистые деревья, за которыми прятался ров, поросший непроходимыми кустами, словно колючая проволока. Мирослав увлек Зоряну к небольшому столику со скамейкой под ивой и принялся жадно целовать. Его поцелуи становились все настойчивее, а руки — смелее.

— Мир-р, ты чего?.. Здесь же кладбище... — сопротивлялась Зоряна.

— Смотри, как тихо, безлюдно ... Укромный уголок... Нам никто не помешает... Я выиграл... — жарко дышал он ей в ухо. — Мы далеко от аллеи, и дерево прикрывает... Как будто специально придумано...